

Л.Д.Гудков,
доктор философских наук, ВЦИОМ

Б.В.Дубин,
ВЦИОМ

Разложение институтов позднесоветской и постсоветской культуры

Процессы производства, восприятия и репродукции культурных образцов в России 1990-х годов складывались под воздействием следующих факторов:

— *разложения централизованной государственной организации общества, экономики и культуры*, построенной на принципах ведомственно-иерархического контроля и дефицитарного распределения, массовой мобилизации, изоляционизма и антииндивидуалистской дидактики;

— *деградации массовой советской гуманитарно-образованной бюрократии* ("интеллигенции", обслуживающей репродуктивные институты советского общества — обучения и пропаганды); мы имеем в виду распад интеллигенции, вызванный обесмысливанием в новых условиях тех функций, которые она выполняла, соответственно, связей с другими группами и слоями, прежде всего с органами власти, а значит, и утратой ею прежнего социального статуса, материальных ресурсов, престижа и т.п.;

— *вторжения массовой культуры* (в том числе новой для России западной, "потребительской"), потеснившей мобилизационно-оборонные и изоляционистские комплексы и сюжеты советского времени; массовая культура не только принесла с собой новые формы и каналы распространения, но и заменила прежнюю тематику литературы и искусства, сделав основным предметом изображения и обыгрывания проблемы психологической и социальной адаптации к идущим изменениям, развлечения, изживание различного рода коллективных травм и неврозов, связанных с опытом краха репрессивного и экспансионистского режимов.

Массовизация вкусов слушателей, читателей, зрителей означала усреднение нормативных ожиданий, типов восприятия и оценки культурных образцов, заметное стирание различий между оценками и реакциями образованных и необразованных респондентов. Это выразилось как в нормах поведения и формах самоощущения нового поколения производителей культуры, заменивших прежних госслужащих по линии ведомств просвещения, культуры и пропаганды, так и в новых технологиях культурного производства и

тиражирования. Сегодня доминирующие в системе культуры концерны или фирмы (равно как и инкорпорированные в них авторы) стремятся работать по шаблонам и критериям системы аудиовизуальных коммуникаций, использовать разнообразные технологии пиара, рекламы, моды, светского скандала и т.п. Соответственно, это предполагает все большее доминирование у публики такой формы домашнего времяпрепровождения, как семейный просмотр телевизионных программ (сенсационно-новостных и развлекательных, преимущественно сериалов, причем все чаще отечественных, старых советских и новейших российских), определяющих характер публичных интересов, информационных кругозоров, картины реальности и типы занятий в свободное время.

Хотя конец "интеллигенции" означал завершение периода государственного контроля за процессами творчества, сами по себе длительные последствия стерилизации наиболее продуктивных, инновационных групп авторов (ученых, художников или интерпретаторов, носителей самых сложных форм рефлексивной культуры и знания) оказались настолько тяжелыми, что внезапно свалившаяся "свобода творчества" никак не способствовала расцвету культурной жизни, появлению новых шедевров в духе социально-критического романа (которых многие критики ждали по аналогии с 1920-ми годами) или хотя бы возникновению оригинальных направлений в искусстве и литературе, отразивших опыт конца и краха тоталитарной эпохи. Никакие прогнозы или надежды в этом плане не *сбылись*. Мумификация (или более академично: музеефикация) высокой культуры в позднее брежневское время обернулась постсоветской дезориентированностью прежней творческой элиты, релятивизмом или даже цинизмом более молодых участников культурного процесса, резким сужением интеллектуальных горизонтов, подражанием модным сегодня на Западе именам звезд поп-культуры (поп-науки, поп-философии и т.п.), а также реанимацией русского национализма, появлением различных культурно-идеологических суррогатов эпохи русского модерна и конца российской империи.

Действие перечисленных факторов разворачивалось на фоне более общих процессов. Речь идет о явном сужении и выцветании общественного пространства во второй половине 1990-х годов, по сравнению с концом 1980-х годов, последовательном устранении социального разнообразия в обществе. На политической авансцене конца 1990-х годов фактически отсутствуют какие бы то ни было независимые социальные силы, сообщества, группы, представляющие и отстаивающие свои интересы. Те или иные самостоятельные фигуры, олицетворявшие социальную инновацию, те сферы общественной жизни, которые связаны со значениями активизма, свободы, богатства, независимости, демократии, реформ, за вторую половину 1990-х годов подверглись в каналах масс-медиа и в мас-

совом сознании явной негативной переоценке. На первый план публичного пространства вышли периферийные слои общества, их самые рутинные представления о себе и других, наиболее упрощенные типы социального действия, преимущественно адаптивного и реактивного характера — привычка, терпение, пассивное дистанцирование от фигур и механизмов власти, от проблем социального партнерства. В массе укрепилось сознание растущего и непреодолимого разрыва между "властью" и "народом", центром (столицей, "Москвой") и периферией ("всей Россией"), между более образованными, инициативными, относительно успешными и состоятельными молодыми россиянами и остальной частью населения. В массовых оценках усилились неотрадиционализм и изоляционизм, стала укрепляться мифология "особого пути" России. Растут притягательность символов "железной руки", ностальгия по брежневской эпохе, настроения антизападничества и антиамериканизма. Все значимее в массе становятся структуры негативной идентификации.

В этом контексте на протяжении 1990-х годов, особенно за вторую их половину, в России заметно сократились "объем" и "плотность" письменной, особенно журнальной и книжной культуры (о которой дальше в основном и пойдет речь). Свелось к минимуму производство кинофильмов, массовый просмотр их в кинотеатрах. Преобладающая часть взрослых россиян переключилась на ежедневный и достаточно продолжительный просмотр телепрограмм — наиболее общедоступного, гарантированного и дешевого коммуникативного средства. В этот период последовательно уменьшались средние (разовые) тиражи газет, но в первую очередь книг и журнальной периодики, соответственно снижалось число их покупателей и читателей. Убывало число массовых общедоступных библиотек, сокращались их фонды, редел читательский контингент, причем преимущественными темпами — в библиотеках крупных и крупнейших городов, среди городских, в среднем более квалифицированных, читателей.

По данным общегосударственной и ведомственной статистики¹, с 1990 по 2000 г. численность театральных зрителей (посещений за год) и посетителей музеев сократилась почти вдвое (составив соответственно 55 и 51% исходной), число кинозрителей — почти в 40 раз, читателей массовых библиотек — на 17% (число самих библиотек — на 18%). Совокупный годовой тираж газет уменьшился более чем на треть (снизившись до 65,6% исходного), журналов и продолжающихся изданий — до 12,1% (соответственно более чем в 8 раз), книг — до 26,1% исходного (почти в 4 раза, впрочем, в последующие два года их тираж вырос в 1,46 раза).

¹ См.: Российский статистический ежегодник М., 2000. С. 229-230; Книжное обозрение 2003. 11 марта. С. 14-16.

При этом доля государственных издательств в книгоиздании 1990-х годов последовательно сокращалась и сегодня свелась к минимуму: в 2002 г. на их долю приходилось лишь 3% названий выпущенных книг и 10% их общего тиража. Тиражи специализированных книг немассовой адресации падают, при том, что их номенклатура несколько расширяется. Напротив, увеличиваются тиражи и без того крупнотиражных изданий, количество которых, и так небольшое, еще сокращается. Сегодня книжные издания тиражом до 1 тыс. экз. составляют 45,5% книговыпуска по названиям и чуть более 2% по совокупному тиражу.

Но наиболее велика в книгоиздании и наиболее доступна для читателей доля книг "среднего" тиража в 10—20 тыс. экз. Это серийная беллетристика — детектив, любовный роман, историко-патриотический роман, занимательные биографии. В сумме они составляют меньше 20% книг по названиям, но на их долю приходится до 50% всех книжных тиражей (реальных экземпляров, находящихся на рынке и представленных потенциальному покупателю). Доминируя на прилавке, они составляют сегодня и основу массового чтения.

Приведенные в таблице 1 данные позволяют уверенно говорить о ликвидации за 1990-е годы книжного дефицита во всем, что касается массового спроса на "жанровую словесность" и "полезную книгу". Однако крайне обострились проблемы, связанные с распространением книг, особенно немассовой адресации, сократилось число книжных магазинов. Резко упала доступность изданных книг потенциальному и реальному читателю. Разорваны даже существовавшие раньше цепочки книжных коммуникаций между различными группами общества. Из-за цен на услуги государственного монополиста — Министерства связи¹ — фактически ослабли или даже прервались культурные связи между центром и периферией. Провинция не в состоянии оплачивать расходы по распространению наиболее сложной и информативной издательской продукции по стране (научной, экспериментальной, инновационной литературы — и книг, и журналов).

Фактически единственным реликтом прежней государственной системы литературных коммуникаций на нынешний день остаются "толстые" литературные журналы. Журнальная система окончательно сложилась в середине 1950-х годов и действовала до конца 1980-х годов. Журнал, с одной стороны, задавал ритм литературному процессу, а с другой — соединял центр и провинцию, гарантированно распространяя по индивидуальной и ведомственной (библиотекам, организациям) подписке то, что в столицах появлялось нового. Иными словами, в советское время "толстые" журналы

¹ Расходы на почту превышают расходы на производство книг и журналов, включая и авторские гонорары.

Таблица 1

**Книги каких из перечисленных типов литературы
Вы любите читать больше всего, чаще всего читаете?**
(в % от числа опрошенных в каждом исследовании, сумма ответов превышает
100%, поскольку можно было выбрать несколько позиций)

Вариант ответа	1994 г., N=3000	1997 г., N=2400	2000 г., N=2400
Не читаю книг	23	35	34*
Детектив	26	32	29
Любовный роман	23	27	24
Книги по истории, исторические романы	23	24	24
Научная фантастика	11	15	15
Романы русских и зарубежных классиков	11	15	14
Современная русская проза	8	6	6
Поэзия	5	6	6

* В 2002 г. этот показатель достиг 40%.

сочетали элементы дефицитарной системы с более ранними формами российской организации — тиражированием столичной культуры в провинцию. При этом советский институт литературы последовательно отсекал интеллектуальный и литературный поиск. Авангард не входил в него, поскольку вся общественная система, оказавшаяся под репрессивным контролем, в принципе отвергала какую-либо автономизацию того или иного института, будь то наука или литература, здравоохранение или семья.

В период публикационного бума конца 1980-х — самого начала 1990-х годов "толстые" журналы (особенно несколько лидировавших среди них московских) имели максимальные за все время своего существования тиражи и в максимальной степени, на пределе возможностей выполняли свою главную функцию приобщения читателей к литературным образцам и представлениям, значимым для консолидации всего образованного слоя. Но в дальнейшем эти издания резко сузили круги своего хождения. Их тиражи, назначавшиеся в позднесоветские дефицитарные времена "сверху" в пределах примерно сотни тысяч экземпляров, а на пике взмывшие в отдельных случаях до миллиона и даже нескольких миллионов ("Дружба народов" с рыбаковскими "Детьми Арбата", "Новый мир" с публикацией солженицынского "Архипелага"), сегодня насчитывают несколько тысяч и дважды в год, по итогам подписных кампаний, еще понемногу, но неуклонно сокращаются. Практически полностью сохранившись по составу, они имеют, в пересчете на образованное население страны, тиражи, близкие к "малым литературным обзорениям" или к "журналам поэзии" в развитых странах Запада.

Однако, оставляя за своими пределами литературный авангард и не накопив ничего в смысле ресурсов интеллектуального понимания и анализа происходящего, потенциала либеральных (или современных, что в данном случае одно и то же) ценностей, они

Частота обращений к различным коммуникативным каналам*
(в % от общего числа опрошенных)

Проведение досуга	Ежедневно	2—3 раза в неделю	Несколько раз в месяц	Редко или никогда
Смотрят телевизор	91	7	1	1
Слушают радио	68	6	3	23
Читают газеты	24	27	31	18
Смотрят видеофильмы	7	9	24	60
Читают журналы	4	10	33	53

* ВЦИОМ. Октябрь 2000 г., N=2001 человек городского населения, информационные каналы ранжированы в порядке убывания их ежедневной аудитории.

оказались не в состоянии ни подвергать систематической рефлексии современные формы литературы, ни быть орудием актуальной социальной критики, даже хотя бы в тех формах, как в 1970-х годах. Литературная критика в них за 1990-е годы, по большей части, сменилась коротким рецензированием, информацией о выходе книг, косвенными формами рекламы и другими типами "перекрестного опыления" — стала всего лишь групповым ритуалом узких литературных тусовок. Собственно поисковой литературной периодики — а она в такой стране должна была бы исчисляться десятками, если не сотнями изданий — в сегодняшней России нет.

Отсутствие связей между группами высокой культуры и прочими слоями общества, однако, не означает состояния аморфности или бесструктурности. Напротив, когда прежняя интеллигентская идеология ушла, ее место заняли проявившиеся уже в эпоху тотального дефицита ценности стабильности, первичного консюмеризма, развлечения. Структура литературной организации, чтения, литературного (культурного) процесса принципиально изменилась. Основной массив прежних читателей переключился на массовую литературу.

Кроме того, социально-коммуникативные "пустоты", образовавшиеся после спада печатного бума, в середине 1990-х годов уверенно заполнил собой телевизор. Данные об обращении горожан России к различным СМИ приведены в таблице 2.

Можно сказать, что сегодня семейный, домашний досуг для преобладающей части россиян — это телевизор, а телесмотрение равнозначно семье, дому, досугу, личной жизни. Или иначе: общество в сегодняшней России — это общество семей, смотрящих телевизор и всей семьей обсуждающих просмотренное. Телевизором сегодня задается причастность россиянина к обществу ("большому" обществу, стране), его "природа" как социального существа.

Крах централизованной государственно-ведомственной организации культуры в постсоветское десятилетие нашел свое выражение и в деятельности государственных общедоступных библио-

Таблица 3

Показатели работы общедоступных библиотек
(сведения на конец соответствующего года)

Тип библиотеки	1985 г	1990 г	1995 г.	1999 г
Число читателей, млн человек	82,1	71,9	60,2	59,2
В целом				
Городские библиотеки	55,4	48,8	38,9	38,6
Сельские библиотеки	26,7	23,1	21,3	20,6
Выдано всего журналов и книг, млн экз	1755	1506	1325	1339
В целом				
Городские библиотеки	1186	1018	859	879
Сельские библиотеки	569	488	466	460

тек. Крупнейшие из них — Библиотека им. Ленина и Библиотека иностранной литературы в Москве — практически прекратили приобретение зарубежных книг и периодики на иностранных языках, испытывают серьезные трудности с приобретением даже отечественных книг и журналов. Число их читателей значительно сократилось, заметно изменилась структура их читательского контингента: теперь это в основном учащиеся, которые обращаются в библиотеки с непосредственно учебными запросами и за консультациями о возможностях учебы за рубежом. Во многом утратили свою роль и общедоступные массовые библиотеки системы Министерства культуры РФ, скудные финансовые средства которых, как правило, не позволяют им в достаточной мере соответствовать сегодняшним читательским запросам (табл. 3).

Однако и домашних библиотек в России за 1990-е годы стало меньше (табл. 4). Причем особенно заметно сократилось число более крупных семейных собраний книг, функция которых — обеспечивать относительно самостоятельными смысловыми ресурсами профессиональных знаний, общих идей, поведенческих образцов. Доля же владельцев маленьких книжных собраний (а это, как правило, полуслучайное соединение книг одного функционального типа — учебников, подручных справочников, развлекательной словесности) осталась как будто без изменений. Однако в относительном выражении она выросла, как и удельный вес тех, у кого дома вообще нет книг.

Если судить по этим данным, приходится сделать вывод о заметном сокращении в стране культурного слоя, который мог бы выступать основой воспроизводства национальной элиты. Объяснять это явление можно по-разному. Во-первых, тем, что сам состав тиражируемых культурных образцов не содержит ничего значимого для нового поколения, которое прекратило покупать книги, заменяет чтение другими типами культурной коммуникации и, соответственно, обращается к другим источникам ценностей и информации. Во-вто-

Таблица 4

Наличие и объем домашних библиотек в России
(в % от общего числа опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	1995 г, N=2392	1996 г, N=2399	1997 г, N=2401	1998 г, N=2409	2000 г, N=2407	2002 г, N=2107
Нет домашней библиотеки	24	28	27	32	34	30
До 100 книг	34	34	37	35	35	37
100-300 книг	21	22	21	20	18	21
300-500 книг	11	8	9	7	8	7
500-1000 книг	6	5	4	3	3	3
Больше 1000 книг	4	2	2	2	2	1

рых, резкой деградацией образованного слоя в провинции, распадом той советской научно-технической интеллигенции, которая обслуживала главным образом нужды ВПК. Сегодня она больше каких-либо других категорий населения потеряла от реформ, будучи не в состоянии примириться с потерей своего социального статуса, уровня жизни, престижа. И, в-третьих, резким сокращением доходов у той же провинциальной интеллигенции вкуче с прекращением поставок книг в магазины периферийных городов.

Сегодня основная масса книжной продукции предназначена восполнять тематические или авторские дефициты советского времени, то, чего был лишен десятилетиями советский человек и что за десять лет компенсировано быть не может. Поэтому нынешний поток литературы (включая сложную философскую, филологическую, социологическую, религиозную) не нуждается в критической оценке, разборе, интерпретациях, рекомендациях. Она получает статус либо модного образца, либо классики, но в любом случае — *культурно однозначного продукта*, одноразовой акции, не нуждающейся поэтому в соотнесении с традицией. Литература, подражающая классике или ориентированная на классический образец, в такой ситуации не является антонимом или антиподом дефицитарной литературе, а представляет собой лишь иное ее выражение — корпус изданий, заданный догматически, по внелитературным резонам и не литературными механизмами. Разумеется, этот вид "традиционализма" не имеет ничего общего с собственно литературной традицией — сознательным использованием опыта предшественников, освоением и переработкой тех или иных элементов их поэтики.

Более подготовленная часть публики сегодня представлена главным образом студенческой молодежью больших городов, аспирантами, молодыми преподавателями. Литературно-образованная интеллигенция зрелых и старших возрастов за вторую половину 1990-х годов фактически отошла от активного чтения, постоянной книгопокупки. Уровень вкусов, литературные образцы и авторитеты задает сегодня не она, не она играет ведущую роль и в их

критическом обсуждении. Еще острее этот разрыв между вчерашними лидерами мнений и сегодняшней молодежью выражен на географической периферии страны.

Основу сегодняшнего чтения этой более подготовленной и динамичной публики составляет отечественная проза и поэзия избранных авторов среднего и молодого поколений 1960-1970-х годов рождения, но чаще — произведения переводной художественной литературы, причем написанные авторами из более новых, непривычных литературных регионов, стран запоздалой, "неклассической" модернизации (Восточной и Юго-Восточной Европы, Турции и Ближнего Востока, Японии, Скандинавии). Нередко это словесность "неканонизированных" жанров, для которой оценочные, идеологические метки элитарного/массового, высокого/низкого чаще всего не подходят. Здесь преобладают научная фантастика и фэнтези, нон-фикшн. В этот круг входит и общегуманитарная литература (история, этнология, филология и пр.), несколько новых и престижных столичных журналов. Словесность неклассических литературных регионов и книги неканонических жанров несут для молодежи крупных городов нынешней России необходимый ей опыт освоения социального и культурного многообразия, синтеза культур, гибкой, многосторонней идентичности и сложных форм символического самоопределения индивида в современном мире.

Телевидение в этих условиях выступает главным масс-коммуникативным каналом, задающим единовременную картину мира на самые широкие аудитории. Массовое книгоиздание в этом смысле идет "за" телевидением, воспроизводя ту же жанрово-тематическую конструкцию наиболее популярных образцов: отечественный детектив и боевик со все более подчеркнутой антизападной идеологией и символикой; переводной любовный роман, отечественный и, опять-таки, антизападный по своему посылу историко-патриотический роман; общецивилизационные энциклопедии и книги для детей, чисто учебные издания. До половины общего тиража выпускаемых сегодня в России книг составляют переводные развлекательные издания. До половины тиража журнальной периодики — массовые издания, связанные с телевидением, женскими интересами, миром развлечений и моды. В этом смысле постсоветский массовый человек наиболее активно, широко и регулярно воспроизводится сегодня средствами масс-медиа как человек, с одной стороны, потребляющий или, по крайней мере, "пробующий", а значит, цивилизующийся, частный, а с другой — как человек привычки, раздвоенный, фрустрированный, склонный к астении и ностальгирующий по все более призрачным временам прежней государственной опеки и по великой роли своей державы в истории.

Дело в том, что институциональные изменения в одной отдельной сфере общества, например, в системе культуры (литературе, книгоиздании, театральном или библиотечном деле, СМИ и т.п.),

без взаимодействия и поддержки со стороны других меняющихся институтов, довольно скоро приостанавливаются, замедляются, начинают испытывать патологические смещения. Новыми возможностями начинают пользоваться совершенно другие группы, с другими культурными и социальными ресурсами, движимые смесью "низовых" мотивов и интересов. Те, кто инициировал и начал изменение, ориентируясь на западнические и либеральные образцы, не встречают соответствующей социальной поддержки.

Изменения в разных подсистемах общества носят очень неравномерный характер. Так, развал советской политической системы и экономики практически не трансформировал структуру отношений в науке или культуре. Новые отношения здесь возникли и возникают вне прежней системы организации, но с ней каким-то образом переплетаясь. Таков же и функциональный смысл разрывов между центром и периферией страны. Между столицами и другими крупными городами, с одной стороны, и всей остальной территорией — с другой, пролегает граница собственно культурного процесса — траекторий распространения, усвоения, воспроизводства, обновления образцов мысли, чувств, поведения. Начиная уже со средних городов (кончая малыми и селом), можно говорить о "серой зоне" культуры, где отсутствует какая-либо динамика и начинается сфера господства стандартизированных масс-медийных продуктов. Наличие и углубление таких разрывов в сочетании с распадом советской системы централизованной дефицитарно-распределительной организации привели в тех отдельных локусах, где еще сохранилась какая-то организованная публичная культурная жизнь, к резкой традиционализации, архаизации содержания самого культурного процесса, реанимации, казалось бы, давно изжитых комплексов и представлений. Здесь начался резкий рост не просто националистической, даже шовинистической литературы (все комплексы провинциальной ущемленности), но и фашизоидной культуры (мифологии этнотроглодитов). Реакция провинции на обрыв связей с центром, особенно если центр сам представляет собой своего рода мост между Европой, миром и Россией, не только выражается в апатии и некрозе культурных тканей и отношений, а превращается в культурно-цивилизационный, агрессивный ресантимент. Это смесь зависти к успеху "другого" и мести ему за это, которая, поскольку в реальности она невозможна, символически обращается на самого себя и выражается в актах демонстративного самоуничужения.

Крах советской системы культуры произошел не столько под влиянием внутренних напряжений, собственно культурных отношений и сил, сколько под воздействием внешних обстоятельств — распада репрессивного режима. Элементы иных отношений принесли в сферу культуры (в том числе книжной) люди со стороны, ранее не входившие в госструктуры номенклатурного управления

и распределения. Новые формы возникали рядом с прежними и постепенно укреплялись за счет издания репрессируемого наследства, неудовлетворенного читательского спроса на ранее не издававшуюся литературу, главным образом потребительского свойства. Люди, которые создавали новые издательства, были начисто лишены "интеллигентских" замашек, претензий на нравственное руководство, на представительство культуры, просветительскую роль и пр. Следует учесть также, что новые законы, принятые на волне перестройки, давали очень большое преимущество предприятиям культуры (свободу от налогов или значительное их снижение), которых не имели другие отрасли хозяйства.

Поэтому динамика культуры в 1990-е годы имела двойственный характер. С одной стороны, она показала явную избыточность средневысокой культуры для основной массы так называемого образованного сообщества (можно полагать, что потребление культурных благ в поздний советский период прокламированной социальной однородности носило в значительной мере статусно-демонстративный или статусно-компенсаторный характер). Большинство количественных показателей культурного потребления резко пошли вниз. Конечно, в значительной мере это сокращение затронуло официальную продукцию, от которой отвернулся потребитель. Но наряду с этим явно имел место процесс одичания значительной массы протосреднего класса, образованной бюрократии как технической, так и гуманитарной. Судя по состоянию домашних библиотек, устойчиво воспроизводятся сегодня лишь группы образованных в первом поколении, не очень богатые по своим культурным и информационным, смысловым ресурсам.

Как свидетельствует специальный анализ журнальных рецензий на новую словесность¹, литературные вкусы, стандарты предпочтений литераторов и литературных критиков как социально-профессиональной группы сложились в годы застоя и после этого фактически не обновлялись. Структура их ценностей (как, кстати, и массовых предпочтений и ориентиров) задана именно ситуацией 1970-х годов или несколько более раннего времени, конца 1950-х, "оттепельных" лет. С точки зрения тех, прежних идеальных представлений, интересов, образов желаемого будущего в России как будто бы ничего не произошло. В глубине социального слоя носителей культуры все еще тянется время застоя. Это свидетельствует о том, что институт литературы, фактически сложившийся или завершивший свое институциональное формирование между 1950-ми и 1970-ми годами, может, как, вероятно, и вся институциональная система советского общества, только распасться и исчезнуть. Меняться он не может, поскольку в его рамках нет места

¹ См.: Дубин Б., Рейтблат А. Литературные ориентиры современных журнальных рецензентов // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 557-570.

для смыслопорождающего субъекта и рефлексивной техники его конституирования¹.

Все описанные выше явления связаны, как мы полагаем, с принципиальным институциональным дефицитом обществ советского типа. Негосударственное возможно в них только как единообразно массовое. Поэтому в тех сферах, откуда за 1990-е годы "государство ушло" (книгоиздание — одна, если не преимущественная, среди них), имеют место текущие изменения, не закрепляющиеся в соответствующих институциональных формах, не достигающие уровня институционализации. Правильнее было бы говорить о повторяющихся разрывах в прежней системе, ее разложении или децентрализации, однако с одним существенным уточнением — ведомственные "части" или организационные "радикалы" не получают статуса автономных (в культурном плане), самостоятельных и самостоятельных агентов действия. Мы имеем дело с проседанием и оползанием обломков вчерашних структур, перерождением их функций при постоянной несостыковке функции и формы. Таковы массовые развлекательные образцы (в большой мере зарубежные), транслируемые по государственным телеканалам; таково "классикалистское" — собраниями авторских сочинений в твердых обложках — издание детективов и научной фантастики с оформлением на манер книг для детей; таковы "толстые" журналы с тиражами авангардных ревью, но ориентированные на читательскую периферию, причем не доходящие до читателей, зато дающие площадку писателям, и пр. То же можно сказать и про российское кино, по видимости частное, но фактически живущее лишь благодаря "откату" чиновникам за предоставляемые из госбюджета субсидии. Вся нынешняя российская культура, массовая по содержанию и функциям, обслуживает общество и децентрализованные властные клики, соединенные общими проблемами выживания (характеристика стран третьего мира, к которому Россия, тем не менее, не относится), адаптации, сохранения ценой минимальных изменений.

Государство в советских условиях ("советское государство") представляло собой фактически единственный всеобщий институт, который не позволял слишком разбегаться "нижнему" и "верхнему" слоям культуры и социума, задавая структуру целого и поддерживая его на принудительно-усредненном уровне. Общества как динамической системы самостоятельных групп и институтов в стране не было. Для особых задач (прежде всего военно-стратегических, связанных с безопасностью) существовали "шарашки", но они не составляли общества и не образовывали культуры. "Культура" же была государственно-массовой: не входящие в нее фракции унич-

¹ Подробнее об этом см. в статье: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Институциональные изменения в литературной культуре России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 6. С. 43-55.

тожались, отбрасывались в лагерь, вытеснялись в эмиграцию, в сам- и тамиздат. Сегодняшняя культура, принципиальные линии ее организации — прямое продолжение советского общества, тогдашнего типа социальной организации, следствие и обострение сложившихся тогда отношений, прежнего, оказавшегося весьма устойчивым понимания природы человека и общества.